

*Все персонажи и описываемые события
являются вымышленными.*

*Любое совпадение с реальными людьми
и событиями — случайно.*

Сестры

Саида Исмаиловна, чопорная худощавая столичная дама, уже тридцать лет состояла в браке с большим государственным чиновником. Язвительным изгибом губ, нарисованными бровями и холодным взглядом напоминавшая большую змею, даже одежду она предпочитала пеструю, в пятнистый рисунок, только усиливающий сходство с рептилией.

Супруг ее, Икрам Байрамович Азизов, разнообразно поживший мужчина шестидесяти пяти лет, рулил в Астане крупной организацией, занимавшей сверкающее синими стеклами здание на одной из самых престижных улиц.

Саида Исмаиловна любила перечитывать аннотацию к книге о вельможном супруге: «Икрам Байрамович принадлежит к высшему слою светской и казахстанской государственной элиты...»

Завиральную книгу настрочил член Союза писателей России, автор множества политических биографий. Все герои, будучи чугунными дядьками из крестьянских семей и сделавшие карьеру путем интриг и подсидок, бойким его пером были причислены «к высшему слою светской и государственной элиты».

Союз Азизовых был прочен и вполне благополучен. Старшая дочь Алуа держала несколько меховых салонов. Младшую, Анару, Икрам Байрамович прижил от секретарши-корейки еще в бытность послом в восточноевропейской стране, где на каждого жителя в год приходится два центнера болгарского перца.

Как и положено обманутой жене, Саида Исмаиловна узнала об этом последней. Донесла на изменщика сотрудница министерства иностранных дел, дальняя родственница мужа.

— Почему раньше не доложила? — строго спросила Саида Исмаиловна.

— Я сама недавно узнала... Клянусь, Саида апай¹!

— Какая я тебе апай!

Поить доносицу чаем Саида Исмаиловна не стала: много чести. Зато вознаградила по-царски. Постояла в раздумье и вытянула из гардеробной вешалку с итальянским пальто, на котором болталась этикетка. В зимней Астане в такой легкой одежде все равно не прогуляешься.

¹ Сестра, тетя (каз.).

Да и не ходила Саида Исмаиловна пешком, находя это уни-
зительным для аристократки, каковой сама себя считала.

Выпроводив ябеду, Саида Исмаиловна величаво под-
няла телефонную трубку. Муж в этот час уже должен был
выйти с одного из нудных, но обязательных для посеще-
ния заседаний в правительстве.

Дома ему, мгновенно переставшему походить на свой
парадный портрет, она в самых оскорбительных выраже-
ниях предложила связь немедленно разорвать, девочку
у корейки изъять и поместить в семью. В противном слу-
чае пообещала устроить мужу небольшой домашний ад.
А если станет упорствовать, то и большой. И пусть коре-
янка спасибо скажет, иначе запросто бесславно вернет ее
в Уштобе — луки-чесноки сажать. Саида Исмаиловна пе-
редразнила корейский акцент: «Люки-цесноки сазать».

У Икрама Байрамовича люто зачесались кулаки. Жаль,
положение не позволяло до черных синяков измордовать это
надменное, с тонкими чертами лицо. Лишен он этой улады,
доступной даже самому последнему козопасу из родного
села Ават, — бить жену смертным боем, ногами, ногами!

В случае с полукорейской девочкой сыграла роль ши-
роко известная в узких кругах история с незаконнорожден-
ным сынишкой казахского классика. Писатель, сменивший
пару жен, уgomонился в союзе с грозной профессоршей
филологии Наилей Садыковной. И сплетница-соседка
донесла той, что где-то во дворах Малой станицы бегают
незаконный писательский сынок, не подозревая, какие
тучки уже сгущаются над его крупной головой. Неверному
романисту был выставлен ультиматум — любовницу в от-
ставку, ребенка отбить и водворить в писательскую квар-
тиру. Сами воспитаем!

Пришлось и Икраму Байрамовичу от корейнки отделаться, пристроив ту на работу в ЮНЕСКО и купив в Латинском квартале Парижа квартиру на ее имя. Окнами квартира выходила прямо на Пантеон, где вечным сном спят великие французы, большие любители сходить налево...

Девочку Саида Исмаиловна не притесняла, только однажды, когда та не захотела пить чай с жирными сливками, прошипела:

— Эй, Қараңғағыр кәріс, іш атауынды! Бетін тыржитып, ішкісі келмей қалыпты ғой тегі!¹ — и стукнула девочку в темя жестким, как палка, кулаком.

Редко, но случалось, что высказывала на миг из величавой дамы аульная хабалка.

* * *

Саида Исмаиловна допила кофе и раскрыла ноутбук для зума с алматинской младшей сестрой Аидой. Посмотрелась в зеркало пудреницы, пристраивая на лице радужную улыбку.

Сестры ревностно и неустанно соперничали всю жизнь, начиная с первых бантиков, кукол и девчачьих нарядов. Стоило Саиде навести перманентные стрелки, как у Джины Лоллобриджиды, как такие же, только чернее и выразительнее, появлялись на веках Аиды.

¹ Эй, проклятая корейнка, пей свое пойло! Кривляется еще, пить не хочет! (каз.)

Соперничество, внешне никак не выказываемое, достигло высшей точки в год, когда Саида заканчивала аспирантуру в КазГУ, а младшая, Аида, училась на четвертом курсе пединститута. Сестры с двумя подругами снимали четырехкомнатную квартиру на улице Тулебаева у вдовы известного журналиста, собкора «Известий». Впустить на драгоценные квадратные метры иногородних девушек вдова решилась после долгих раздумий. Позарез требовались деньги: сын, начинающий наркоман, вляпался в историю. В конце концов решилась. Все-таки девочки были из приличных семей: Айша — дочка директора химзавода из Джамбула, у Гульсары отец — первый секретарь горкома Семипалатинска, оставшиеся две — дочери большого строительного босса из Уральска.

Девушки вдову не разочаровали: содержали квартиру в чистоте, вечеринок не устраивали, дружно оберегая ее от нашествия однокурсников, проживавших в шумных, переполненных общагах.

У младшей сестры вяло протекал роман с уйгуром Икрамом, тогда еще аспирантом политехнического института. Дело то ли шло, то ли не шло к свадьбе. Икрам, высокий красавец из небедной по тогдашним меркам семьи, пока никому не собирался вручать права на себя. Хотя отбоя от девушек не было — красивых, модно одетых, готовых на все. Во всяком случае, с Аидой он о женитьбе не заговаривал, что впоследствии, как ему казалось, избавило его от клейма предателя.

Ноябрьским вечером пятницы Айша, Гульсара и Аида собрались ехать в Джамбул на свадьбу старшего брата Айши. Саида от приглашения вежливо отказалась, сославшись, что ей нужно срочно дописывать за кураторшу

исследовательскую работу. На самом деле ей совсем не хотелось в провинциальный Джамбул. Знала, что будет по-южному многолюдно и шумно. Что за радость быть никому не нужной гостьей на свадьбе чужих людей? Это Аида, падкая на дешевые развлечения, любила шастать по любым гостям, как аульная молодуха.

Выпроводив сестру с подругами, Саида приняла ванну с душистой пеной, высушила волосы, смазала кремом лицо и шею, набросила шелковый халат, привезенный отцом из загранпоездки, и приготовилась в благой тиши почитать французский роман. Возле дивана, на столике с зеленой лампой, раскрыла коробку шоколадных конфет...

Она любила фильмы и книги про шикарную жизнь, воображая себя то графиней в бриллиантовой диадеме, то скачущей на породистом жеребце наследницей громадного состояния. Роман ей дала та самая кураторша. Ранее они уже обсудили рассказ Мопассана «Ожерелье». На обоих он произвел глубокое впечатление.

Только Саида улеглась на диван, пристроив под голову вышитую подушечку и отправив в рот первую конфету, как в дверь позвонили. Кто бы это мог быть? Хозяйка? Так вроде на неделе приезжала с дачи, где жила, получила деньги и убедилась, что квартира в порядке...

На пороге стоял Икрам, в мокром плаще и с промасленным бумажным свертком в руках. Мелкие капли дождя еще не размочили лак на его роскошной гриве.

Саида пустила гостя, прошла в зал, на ходу извинившись, что встречает в таком виде.

Икрам, стряхнув капли с волос, окинул девушку оценивающим взглядом. Розовый шелковый халат, расшитый

райскими птицами, выгодно облегал стройную фигуру, и у Икрама мелькнула непрошенная мысль, что Саида гораздо изящнее сестренки, хоть и старше той на пять лет.

— А Аиды нет... Разве она не сказала вам, что поедет в Джамбул, на свадьбу?

— Нет, не сказала. А вы одна?

И без этого было понятно, что одна.

Саида состроила досадливую гримасу:

— Это надо знать мою сестру. Позвонить, что ли, не могла...

Икрам, словно желая сказать «Так я пойду?», дернулся было обратно к двери.

— Да вы проходите. На улице так и льет? Нет, в самом деле, куда вы пойдете? Оставайтесь. Я не ужинала, присоединитесь?

Приглашение прозвучало слишком интимно, и Саида пристыженно подумала, не слишком ли навязчивой она выглядит. На ее счету уже имелось несколько ничем не окончившихся романов, и она знала, как молодые люди из хороших семейств осторожничают на этот счет. Но Икрам, кажется, не заметил ее напора. Действительно, зачем уходить, когда за окном сгущается тьма, льет как из ведра, а сестра «невесты», обычно строго-холодная, кажется, даже рада его внезапному визиту? Раньше они никогда не оставались наедине, и это приятно волновало обоих. В свертке оказалась запеченная курица, купленная в буфете гостиницы «Жетысу»¹. Саида достала

¹ ОТЕЛЬ туристического класса, расположен в деловом и административном центре Алматы, один из старейших в Казахстане, памятник архитектуры местного значения, образец советского постмодернизма. — *Прим. ред.*

из холодильника сыр, нарезала батон, принесла вино. Эту нарядную импортную бутылку, задвинутую за стопку полотенец, она заприметила уже давно, и сейчас представился случай ее откупорить. Хозяйка наверняка не заметит пропажи...

Икрам мягко забрал бутылку у Саиды, которая уже приготовилась отколупывать золотую фольгу, плотно облежавшую горлышко, подошел вплотную. Саида забросила руки ему на шею. Они стали целоваться — сначала легко, будто понарошку, а потом замерев в одном нескончаемом, бездонном поцелуе.

В альбомах у обеих сестер сохранилась фотокарточка тех лет: Айша, Гульсара и сестры в лыжных костюмах в обнимку на Медео в один из солнечных зимних дней. Фотограф запечатлел тот миг, когда Аида искоса, недобрым взглядом сверлит ухо сестры, стоящей в съехавшей набок шапочке с помпоном.

Айша пару лет спустя выйдет замуж за кубинца и уедет с ним на Кубу. Там ее следы затеряются. Гульсара через много лет вместе с мужем и двумя внуками разобьется насмерть в автомобильной аварии на трассе Алматы — Бишкек. А сестры так и останутся пожизненными соперницами.

В зуме обе старались оставаться милыми, как и положено родным сестрам, и не скатываться до взаимных уколов. Саида оживленно рассказывала, как летала с мужем в Таиланд и ей там совсем не понравилось. Движение на дорогах беспорядочное, носятся на мопедах как бешеные, всюду шастают молодые тайки под ручку со старыми европейцами в шортах и шлепанцах на варикозных ногах. Смотреть противно... Только массаж хорош, они с мужем

две недели подряд ходили в один и тот же салон, где их массировали две тайки-хохотушки, работавшие за соседними креслами. Обьедались манго и другими диковинными фруктами. Саида Исмаиловна, строго следившая за весом, даже поправилась на полкило.

— Икрам Байрамович, как дитя, любит простецкую уличную еду. Словно плебей, ей-богу. Там на улицах продают кур жареных, лапшу... Так он за эти столы грязные садился и меня заставлял. Опасалась встретить знакомых, скажут, что мы как голытьба...

Увидев, как обиженно опустили у сестры уголки рта, Саида перевела разговор в более безопасное, но все же болезненное для Аиды русло:

— Нужно будет в следующий раз в Италию ехать, там все-таки культурнее. Правда, бывали уже раз десять... Неаполь такой грязный, мусора по колено. Туда больше ни ногой!

Аида слушала, кивала, мучительно выискивая, что бы такого сказать, чтобы не выглядеть в глазах сестры бедной родственницей. Зарубежными вояжами она похвастать не могла, один раз только выбралась в Болгарию. Зато муж опубликовал уже пятую книгу по своей исторической специальности. Саида Исмаиловна знала, что зять — автор невероятных по занудству монографий по истории Улуса Джучи¹, и попросила сестру передавать ему поздравления. На этом обе сочли родственный долг выполненным и с облегчением попрощались.

¹ Улус Джучи (известный как Золотая Орда) — государство на территории Средней Азии, современного Казахстана, Сибири и Восточной Европы в XIII–XV вв. — *Прим. ред.*

«Надо будет выслать ей пару коробок с согымом¹», — великодушно подумала Саида Исмаиловна и отправилась на кухню. Завтра предстоял большой прием гостей, надо было отдать распоряжения.

¹ Заготовка конины на зиму, иногда даже до конца марта. —
Прим. ред.

Анара

Рюкзак был плотно набит, гитара — заправлена в чехол. Оставалось натянуть кроссовки, когда на мобильный пришло сообщение от таксиста. Анара обулась, обошла квартирку. Сожалений не испытывала. В стеклянной вазе на подоконнике засыхал букет хризантем, в мойке стояла немытая кофейная чашка. Съемное жилище было точь-в-точь, как все предыдущие: минимум мебели, в спальне только кровать и тумбочка, на кухне пара тарелок, несколько бокалов, штопор и кофеварка. Анара никогда не готовила — не умела и не хотела. Питалась в ресторанах, кафе, уличных забегаловках, заказывала китайскую еду в корбочках или пиццу с доставкой.

Она спустилась по витой лестнице, закинула ключи в почтовый ящик, как и договаривалась с хозяйкой. Квартиркой владела бывшая землячка, алматинка Шолпан, некогда прилетевшая во Францию на стажировку и выскочившая замуж за фиолетового, как спелая слива, афрофранцуза Джехана. Соотечественникам Шолпан мужа не показывала, стеснялась. И матери своей наказывала не уточнять национальность зятя. Апайка¹ уклончиво отвечала совсем уж любопытным соседям и родственникам, что кюйеу бала² — мусульманин, а это главное.

Постоянная полубездомность с детства приучила Анару легко расставаться с вещами и с людьми. Особенно с людьми. Последний ее бойфренд, профессиональный фотограф Жак, забыв у нее гитару, свалил в свой обожаемый Тунис делать серию заказных снимков для журнала. Плоские крыши выбеленных солнцем кварталов, узкие улочки с лазоревыми стенами и уставленные терракотовыми вазонами с чахлой зеленью, шатры берберов и женщины поразительной красоты. Иногда бильдредакторы спрашивали с усмешкой, указывая на фото сидящей на ступеньках пожилой берберки со старинными браслетами на сморщенных руках:

— И это что, не постановка?

Жак с ухмылкой вкручивал в пепельницу сигарету:

— Полетели со мной! Найдем такую же старушенцию, и я посмотрю, как ты будешь ее усаживать...

С Анарой Жак расстался спустя год странного сожительства. Она не слишком печалилась, когда он улетал

¹ Пожилая женщина (каз.).

² Зять (каз.).

в очередную далекую страну, и не особо радовалась, когда возвращался. Он пытался учить ее профессии. Анара, отщелкав с десятков кадров, возвращала аппарат — неинтересно. Жак этого не понимал, утверждал, что отец только губит ее, слишком щедро снабжая деньгами. Его собственный родитель одолжил ему сумму на первый профессиональный аппарат и получил ее обратно уже с процентами.

Жак знал о ней совсем немного и сам удивлялся, почему они вместе. Анара была инфантильной, ничем не интересовалась, безответственно опустошала кредитки, покуривала травку, воровала в супермаркетах ради развлечения. Хотя было в ней что-то притягательное, манкое, непостижимое. В респектабельном квартале Парижа жила ее мать, крохотная восточная женщина с некрасивыми, похожими на пузатые бутылки, короткими ногами. Анара рассказывала о матери скупно. О ее тайном романе с женатым казахстанским коррупционером. Мать родила от него Анару, не считывая стать законной супругой. Жена коррупционера угрозами заставила мужа отнять девочку... Иногда эксклюзивник матери прилетал в Париж, показывал ей фото подрастающей дочери; вот она за фортепиано, вот перед елкой в костюме Пьеро и с печальным лицом...

Жак имел о Казахстане смутное представление. Приятель, журналист оппозиционной газеты, говорил, что страна насквозь коррумпирована. Это можно было понять и самому. Десятки поместий на Лазурном Берегу принадлежали казахстанским олигархам, а у фешенебельных парижских отелей были припаркованы дорогие авто сынков правящей элиты. Знакомые администраторы и швейцары гостиниц называли постояльцев «эти казахи», «эти русские». Одного такого сыночка Жаку довелось увидеть в ночном

клубе. Низенький, хорошо откормленный пацан лет двадцати напился, сцепился с посетителем, и его унес на себе огромный араб, состоявший при нем кем-то вроде няньки. Анара сказала, что отец пацана — страшно влиятельный дядька, третье лицо в государстве...

Таксист-алжирец, обернувшись к мрачной пассажирке, уточнил:

— Мадам? Орли?

— Орли, Орли... Родина зовет.

И по-русски прибавила:

— Родина-уродина...

Анипа

— Убирайте быстрее, пока ханым¹ не пришла!

На мраморном с электроподогревом полу просторной кухни вокруг раскрытых коробок с мясом возились две девушки. Над ними, уперев в могучие бока кулаки, нависала Анипа, экономка Саиды Исмаиловны. Увидев вошедшую хозяйку, ощерилась щербатым ртом:

— Сейчас подотрут, айттым ғой², чтоб постелили киленку...

¹ Дама, госпожа (каз.).

² Я же говорила (каз.).

— Ничего, ничего, не страшно. И не киленку, а клеенку! Калайсындар?¹ Мясо Серик привез?

Девушки, виновато поздоровавшись с ханым, продолжили суетливо затирать кровавые разводы. Одна была дочерью бывшей золовки Анипы и временно помогала по хозяйству. Родители отправили ее в столицу, рассчитывая, что благополучная Анипа пристроит ее возле себя. Пока девчужка особых дарований не проявляла, и Анипа прикидывала, на какой козе подъехать к ханым и попросить взять ее на минимальную зарплату. В ауле совсем работы не было, а девчонку жалко — заика с малых лет. Свора собак за совсем маленькой погналась, напугала. Застенчива ужасно, момын². Назад отправлять обал³ — чего доброго выпихнут замуж за какого-нибудь сумырая⁴... Бедняжка, пока имя произнесет, можно дом по кругу обегать. Да и разговаривать с ней нужды нет. Могла бы снег во дворе убирать, следить за порядком в гараже, да хоть овощи чистить иногда. Вторая девушка, Динара, была мастерицей делать салаты, и ее нередко приглашали для этого в богатые дома.

Саида Исмаиловна давно подумывала, что надо подремонтировать Анипе рот. Когда-то пьяный муж выбил той два передних зуба, и Икрам Байрамович, вообще-то небрезгливый, несколько раз раздраженно выговаривал жене: «Она же с продуктами контактирует! Отправь к Арману. Пусть по нашей медкарте проведет лечение».

¹ Как вы? (каз.)

² Тихий, скромный человек (каз.).

³ Действие, от которого пострадает невинный человек; беспричинное зло (каз.).

⁴ Негодай (каз.).

Щербатый рот, по правде говоря, вполне компенсировало умение Анипы превосходно держать хлопотливое хозяйство в строгости, не забывая польстить хозяйке и восхититься ее новыми нарядами. Предыдущая домоправительница уволилась, когда свалился с инсультом ее муж. Анипу Саиде Исмаиловне порекомендовала приятельница, жена замминистра здравоохранения. У замминистерши была легкая рука — устраивать жизнь аульных девушек. Любила патронировать, покровительствовать. Односельчанка Анипы работала на нее и попросила за одну келіншек¹, разведенку, бездетную. Муж, полный придурок, гонял по аулу с топором. А келіншек пысык² такая. Кто возьмет, не пожалеет.

Все оказалось правдой. В один из забегов с препятствиями по аулу Анипа, в ночнушке, босая, ринулась в деревянный нужник соседа. В расчете, что пьяный муж это увидит. В щелястой будке, взмыленная от ужаса, она вжалась в боковую стенку и пнула дверь с такой силой, что сломался ноготь на большом пальце. Супруг, не выпуская из рук топора, рухнул в дырку и по пояс застрял в смрадной жиже... Вытаскивали его оттуда, матерясь и проклиная, хозяин туалета и два сочувствующих соседа. Анипа тем временем рванула домой, наскоро захватила в сумку кое-какую одежду и паспорт и через полчаса уже поднималась по ступенькам автобуса, идущего из Каргалы в Арыс. Водила, принимая мятую купюру, опустил взгляд на ее грязные ноги в калошах и философски заметил в пространство:

¹ Молодая женщина (каз.).

² Хозяйственная (каз.).

— Осы ауылдың келіндері неге па-а-стаянно каша береды?¹

Росла Анипа без отца. Жила семья в Кентау, в построенном еще пленными японцами запущенном доме. Квартиру мать-проводница получила от железнодорожного ведомства. Моталась на дальних рейсах, пропадая иногда по полмесяца. Пила по ночам водку с одинокими командировочными и к сорока годам вид имела заезженный, измочаленный. Возвращалась, насквозь провонявшая вагонными запахами, привозила деньги и продукты. Грузная, с красным лицом, разбирала тяжелую сумку, вынимая то помятую дыню, то ворох мужских носков, то кофточку, купленную Анипе у поездной спекулянтки. Понимала, без этой дочки остальные дети пропали бы. Все бедное хозяйство с кучей младших сестер и братьев держалось на Анипе. К своим пятнадцати годам та научилась оплачивать коммуналку, обстирывать семью и кое-как готовить бедняцкие супы с макаронами. И даже ходила на родительские собрания, которые и нормальные матери и отцы не часто достаивали посещением.

Мать задавала всего один вопрос:

— Калайсындар?

Не дождавшись ответа, уходила в ванную с отвалившимся кое-где кафелем и подтекающим краном, наскоро мылась чуть ли не кипятком и возвращалась распаренная, с полотенцем на мокрых, рано поседевших волосах. Дождавшись, когда дети уснут вповалку на засаленных корпешках², напивалась уже в полном одиночестве.

¹ Почему из этого аула постоянно убегают снохи? (каз.)

² Сшитые вручную одеяла. — *Прим. ред.*

Опростав поллитровку до дна, плакала, сморкалась и материлась, проклиная незадавшуюся жизнь. Среднего сына уже милицияга¹ таскали. Анипа еле уговорила не ставить его на учет, разжалобив инспекторшу по делам несовершеннолетних видом старой материной кофты в катышках.

Анипа и презирала мать, и жалела. Отец был неведомо где, и, повзрослев, Анипа догадалась, что мать нарожала детей от разных мужчин. Самая младшая уродилась рыжеволосой, в конопушках и с голубыми глазами. Анипа иногда силилась представить, при каких обстоятельствах незамужняя мать умудрялась зачать. На дальних перегонах, где же еще. От непристойных видений к горлу подкатывала тошнота. У всех матери как матери, а эта...

Классная руководительница, Гертруда Ивановна, сама хлебнувшая горя со своей ссыльной немецкой семьей, зная домашние обстоятельства ученицы, посоветовала ей поступить после восьмого класса в училище на толковую специальность вроде швеи или поварихи. Анипа про себя усмехнулась: «Будто я собиралась заканчивать десятилетку... До того ли? Мать совсем спилась, того и гляди уволят или свалится с подножки под колеса. Надо думать, как жить дальше. Мальчишек, понятное дело, — в училища, а там и в армию заберут, с девочками сложнее — совсем еще маленькие. Пока всех пристроишь, и собственный девичий срок выйдет».

На ноябрьские праздники подруга позвала Анипу к себе на вечеринку, где она и встретила будущего мужа.

¹ В милицию (каз.).

Завалился он туда с дружбанами, в дурацком дембельском наряде с белыми, сплетенными чуть ли не из бельевых веревок аксельбантами, уже сильно поддатый. Утром подогнал убитый «жигуленок» и отвез Анипу к своим родителям, жившим в разваливавшемся совхозе.

Анипа не любила вспоминать прошлое, чувствуя и непосильную вину за младших, и злость на саму себя. Зачем согласилась остаться? Лезли в голову тяжелые воспоминания, и щемило от них, будто сдирало кожу. Вся польза от ужасного брака — свекровь научила разделять конину и баранину по всем правилам и виртуозно крутить казы¹.

Прошло уже порядочно лет, когда пережившую и бегство от мужа, и мыканье по чужим углам и разным работам Анипу наконец прибило волной массового переселения южан к берегам новой столицы. Там-то семейство Азизовых и наняло ее на испытательный срок.

Анипа окунулась в работу со всей страстью прирожденной прислуги. Саида Исмаиловна поначалу устраивала проверки: пересчитывала в холодильнике яйца, пачки масла, баночки с джемом и икрой, яблоки, а в туалете для прислуги — рулоны туалетной бумаги. Пока муж не запретил. «Не унижайся из-за ерунды. Прислуга всегда ворует по мелочи. Это у них, у простолюдинов, в программе зашито. Подумаешь, возьмет кусочек масла. Не пообедем. Домработница Кулмамбетовых с ключей дубликаты сделала, вора отдала. Обнесли весь дом, сейф просто выволокли со всем содержимым. А там коллекция антикварного

¹ Вяленая колбаса из конины, преимущественно с ребер. — *Прим. ред.*

серебра кулмамбетовской бабы. Серьги эпохи Ширваншахов¹ дороже “ламборгини” их сына».

Кроме Анипы, на Азизовых работали повар, уйгур Камбар, два сменных шофера с комично рифмующимися именами Серик и Берик и две приходящие русские горничные. Саида Исмаиловна придерживалась мнения, что славянки убираются тщательнее, а главное, не умеют читать по-казахски. А то Икрам Байрамович иногда привозил с работы кое-какие документы... На въездных автоматических воротах по очереди дежурили два охранника. Вся территория находилась под видеонаблюдением.

В их дом Анипа влюбилась сразу. В парадном зале тянулся стол под богатой скатертью и со стульями с высокими спинками. Потолки украшали невероятной красоты итальянские люстры с разноцветными висюльками. Шторы из голубого бархата. В посудных витринах стояли диковинные сервизы и статуэтки. В огромных, с человеческий рост, китайских вазах — букеты из искусно сделанных стеклянных цветов. И пахло во всех комнатах нерушимым богатством...

В подвальном этаже стояли три морозильника с запасами мяса, на открытых полках из толстых досок — банки с закрутками. В дальнем углу подвала посверкивал стальными поверхностями холодильник для шуб, особая гордость хозяйки. Шубами и другими меховыми изделиями ее снабжала старшая дочь. С каждой поступившей партии товара она дарила матери то пелеринку из баргузинского соболя, то каракулевый, в черных тугих завитках,

¹ Наименование средневекового государства Ширван, одного из крупных феодальных государств Кавказа, принятое в исторической литературе. — *Прим. ред.*

казакин, то пальто из ламы. Анипе приказали раз в месяц проводить в шубохранилище ревизию. Необходимости в этом не было: мошь и кожеед холода не переносят. Саиде Исмаиловне льстил сам факт, что за ее сокровищами приглядывает специальный человек. Далеко не глупая Анипа про грешок самодовольства, водившийся за хозяйкой, прекрасно знала, но прощала.

Гордостью хозяина был винный погреб. Однажды он помог французскому миллионеру повернуть в Астане очень выгодное дельце. В благодарность француз прислал контейнер элитных вин в замшелых, покрытых подвальной пылью и плесенью бутылках. Анипа спросила: «Помыть бутылки? А то кір сиякты¹... страшные такие...» Саида Исмаиловна схватилась за сердце: «Не смей! Хорошо хоть спросила, мамбетка² колхозная! Муж убьет обоих — в этом-то весь шик, в этой драгоценной пыли и в паутине». Анипа, отвернувшись в сторону, состроила гримасу: «Түк көрмегендер³...»

В августе Анипа приглашала в дом шуструю кореянку, и вдвоем они за пару недель накручивали сотни банок с огурцами-помидорами, соками-компотами и бесчисленными салатами. Саида Исмаиловна сама такую еду не употребляла, справедливо считая, что «мертвое», консервированное вредно для желудка и вообще презренная пища бедняков. Соленья обожал муж с его неистребимой студенческой привычкой есть все подряд, лишь бы было

¹ Кажутся грязными (каз.).

² Уничижительное прозвище казахов — выходцев из сельской местности, аулов, обозначает грубого, необразованного и бескультурного человека. — *Прим. ред.*

³ Невежды (каз.).

острое и соленое, и способный за раз умять миску маринованных огурцов и помидоров кисло-сладкого засола.

Зимами полагалось чуть ли не каждую неделю приглашать гостей на согым и самим наносить ответные визиты.Guestей ранжировали по степени важности. Главный круг состоял из небожителей, сливок столичного общества, — высших чиновников и олигархов с женами. К их визитам готовились особенно тщательно. Все должно быть безукоризненно. Расстояние между приборами измеряли линейкой. Из лучшего цветочного бутика к столу поставляли редкие, не по сезону, букеты. Возле каждого куверта оставляли коробочки с милыми подарками гостям: дамам — бриллиантовые броши, мужчинам — часы швейцарской марки. Для обслуживания нанимали вышколенных официантов. Саида-ханум к вечеру накануне так упахивалась, что сваливалась с мигренью на нервной почве. Другой круг, совсем простой, составляли родственники Икрама Байрамовича. Среди них были и самые дальние родственники, из его родного села. Им Саида Исмаиловна оплачивала перелет, резервировала номера в гостинице и посылала машину для трансфера из аэропорта. Простодырую родню Икрам Байрамович не то чтобы любил, но помнил — связь со своим родом терять нельзя, не так поймут. В третью группу входили его подчиненные, даже самые молодые. В их компании Икрам Байрамович веселел, расслаблялся и, небрежно закинув ногу на ногу, исполнял под гитару романсы. Играл роль демократичного шефа. Провожая смущенных его щедростью и благожелательством гостей, каждого лично одаривал корзиной с провизией: бутылкой коллекционного вина, коробкой дорогих конфет,

экзотическими фруктами, колбасами тех сортов, каких не купишь в обычном супермаркете.

Под бешбармак¹ гости подъедали соленья и маринады, нахваливая хозяйку. Саида Исмаиловна, втайне считавшая, что тот круг людей, с которым они общались, сильно не дотягивает до ее утонченности, к бешбармаку прикасалась лишь слегка, как и полагается аристократке: лепесток теста, кружочек казы, пиалка сорпы²... Оснований считать себя патрицианкой у нее было маловато, по чести говоря. Их общий с Аидой отец уж точно не был белой кости, и только мать, татарка по национальности, приходилась внучкой семипалатинскому купцу. Этим аристократизм, пусть и плохонький, исчерпывался.

Преданной хозяевам до самозабвения Анипе Саида Исмаиловна вручила почти все ключи, какие водились в доме, после неприятного случая... Кроме одного ключа. От мощного сейфа, замаскированного под старинный китайский комод с инкрустацией из перламутра.

Той памятной ночью случилась ссора с мужем. Собственно, это и ссорой нельзя было назвать. Икрам Байрамович банальнейшим образом, как какой-нибудь аульный бузотер, избил супругу. Он и раньше ее поколачивал, как бубен на свадьбе, но в тот раз... Бил ногами, не разбирая, куда впечатывает мыски итальянских туфель. Саида Исмаиловна кричала так страшно, так пронзительно, как кричат люди, которых убивают... Давшая себе клятву не вмешиваться в хозяйские скандалы, Анипа

¹ Традиционное блюдо казахской кухни, готовится из баранины, реже конины. — *Прим. ред.*

² Густой наваристый суп с бараниной и овощами. — *Прим. ред.*

не выдержала, ринулась через анфиладу комнат и с боевым ураном¹ «Алдия-а-ар-р!» бросилась на озверевшего хозяина.

Получасом позже, прикладывая смоченное полотенце к разбитому носу и начинающим багроветь синякам хозяйки, она была абсолютно уверена, что утром ее вышвырнут из полюбившегося дома. Такое не прощают. Она видела хозяина в самом непотребном, а хозяйку в самом униженном виде. И мрачно прикидывала, к кому попросится ночевать — к Динаре или к бывшей односельчанке.

Вопреки ожиданиям, ничего не произошло. Утром хозяин постучался к ней, молча протянул руку. Анипа поняла: осознал, извиняется и не выгоняет.

Про себя хозяин стал называть ее Алдияр.

¹ Боевой клич у тюрко-монгольских народов. — *Прим. ред.*

Динара

Когда Саида Исмаиловна застала их за замыванием крови, протекавшей из размокшей коробки, Динара мысленно обругала себя: «И надо было мне хвататься за тряпку! Что я им, прислуга? Пусть бы эта заика и убиралась!» Тем более делать салаты Динаре предстояло только завтра... А сегодня она вообще-то пришла к Анипе для важного и секретного разговора...

Мастерство готовить вкусные салаты Динара еще школьницей переняла у жены старшего брата. Та с еще несколькими молодухами промышляла тойским¹ бизнесом. Накануне

¹ От той (каз.) — традиционный праздник, который отмечается в честь большого события в жизни человека или семьи. — *Прим. ред.*

свадеб, юбилеев, сундет-тоев¹ и кыз-узату², на которые так обильно их село, бригада приходила в праздновавший дом, чтобы почистить, нарезать и, если требуется, отварить ингредиенты для салатов и закусок. Сноха таскала Динару с собой. Девочку ей навязывала свекровь: «Чем болтаться попусту по пыльным улицам, пусть лучше помогает. Может, научится чему полезному».

Молодки усаживались на веранде или на топчане, если погода позволяла. Динару, как самую младшую, посылали то за водой, то за тазиком, то ставили дежурить у газовой плиты в прихожей, следить, чтобы яйца и картошка не переварились. По странному сельскому обычаю газовые плиты на юге почему-то выставляют в пристройке, у самого входа в дом. Переминаясь с ноги на ногу, девочка нетерпеливо тыкала в картофелины вилкой: «Варитесь быстрее, проклятые, а то пропущу самое интересное».

Там было что послушать... Под стук ножей досконально, до мельчайших подробностей, обсуждались все новости и сплетни. Какого фасона шторы обновила жена акима³, на ком женили придурковатого сына самого богатого в селе фермера, какое приданое справили дочке начальника полиции. Динара делала безразличное лицо, когда стряпухи, оглянувшись на нее, сдвигали головы, чтобы услышать

¹ Обряд обрезания крайней плоти, который проводится для казахских мальчиков и символизирует посвящение их в джигиты. Обычай появился у казахов с приходом ислама и до сих пор считается одной из важнейших семейных традиций. — *Прим. ред.*

² Часть казахского свадебного обряда, проводы дочери в замужество. — *Прим. ред.*

³ Глава местного исполнительного органа государственной власти в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане. — *Прим. ред.*

нечто такое, что соплячке слышать не положено, и взрывались заразительным смехом.

После выпускного вечера Динара с подругой уехали в Шымкент. Как будто, кроме Шымкента, не было других точек на земле. Их принял на работу в кафе нагаши¹, дядя подруги. Принял официантками, а работы навалил самой разной: мыть бесконечные тарелки и драить казаны от пригара, подметать и поливать двор перед кафе, отмывать липкие от жира клеенки и стирать полотенца. Хозяин сэкономил на прачечной. Однажды августовским жарким днем кафе сняли на вечер под свадьбу; частник-бомбила, часто обедавший здесь, женил сына. К пяти часам столы были сдвинуты буквой «П», сервированы по-простецки — салфетки разрезаны на квадратики и вставлены в пластиковые стаканы, салаты и нарезку закрыли, пока не заветрились, рулонным целлофаном. Динара, полив мощной струей под столами и стульями, свернула шланг, отнесла в подсобку и подошла полюбоваться на дастархан². Столы накрывали поварахи. Зрелище Динаре не понравилось. Зачем завернули вилки и ложки в бумажные салфетки? Даже в их Тюлькубасе так давно не делают. Ну и что, что свадьба небогатая — две перемены горячего и два вида салатов. Все равно надо стараться делать красиво, адамша³. До начала оставалось два часа. Она освободила ложки-вилки от тугого пеленания, взяла новую пачку салфеток, и, свернув их «шлейфом», поставила возле каждого прибора.

¹ Родня по материнской линии. — *Прим. ред.*

² Дастархан — низкий (30–35 см) накрытый стол, место для трапезы у народов Востока, а также и сам обеденный ритуал, который считается данью уважения традициям. — *Прим. ред.*

³ По-человечески (*каз.*).

Сноха научила ее семи способам со звучными названиями: «Шлейф», «Лилия», «Южный крест», «Офелия», «Роза», «Артишок» и «Азиатский веер». Динара понятия не имела, что такое артишок и кто такая Офелия. Зато в свои семнадцать лет знала, как сочетаются продукты в салатах, умела восемью способами нарезать огурцы и вырезать из вареного вкрутую яйца замысловатую лилию с тычинками.

Попробовала оливье — недосолено, покрошено как попало и украшено веткой петрушки. Совсем ведь не сочетается петрушка с оливье! А кто так насовал букеты в вазы, не обрезав длинные стебли?! На нее напало вдохновение. Сбегала, нарвала и помыла покрасневшие листья винограда, вившегося по кирпичной стене соседней бензозаправки, чтобы расправить их в вазе, прикрыв стебли. За этим занятием ее и застал хозяин. «Молодец, старается. И как ловко сложила салфетки и оформила букеты... Не хуже, чем в дорогом ресторане».

Ободренная его чуть насмешливым взглядом, Динара притворно-сердито сказала:

— Агай, давайте келесі рет салатты өзім оформить етейін. Мынау әйтпесе ұят сияқты¹. Что они накромсали все как попало?

Тактически ход был рискованным — наябедничала на поварах. Стратегически получилось дальновидно — агай² поручил ей заведовать сервировкой.

С упорством зверька, готовившегося к зиме, она копила деньги, вкладываясь только в полезные покупки. Однажды, зайдя в книжный за блокнотом, обнаружила, что,

¹ Брат, давайте следующий салат я сама оформлю. Это позор (*каз.*).

² Вежливое обращение к старшему по возрасту или по положению мужчине. — *Прим. ред.*